

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-112; 811.11–112; 81-13; 81'23

И. В. Шапошникова

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов) *

Статья первая

Статья посвящена рассмотрению междисциплинарности в качестве потенциальной основы для новых теорий в диахронической лингвистике и для более широкого применения исторических лингвистических знаний в жизненной практике. Проводится обзор наиболее значимых с лингвистической точки зрения открытий, сделанных в последние десятилетия на стыке разных гуманитарных и негуманитарных наук. Уточняется смысл и содержание междисциплинарного подхода применительно к истории языка.

Ключевые слова: междисциплинарность в лингвистике, её значимость в построении лингвистических теорий, применение лингвистических знаний в междисциплинарном аспекте, постановка научно-исследовательских и лингводидактических проблем, этнокультурная (социальная) идентичность.

*Светлой памяти Вульфа Яковлевича
Плоткина, ученого и учителя*

К концу прошлого века, когда социальные последствия информационно-технологической революции становились всё ощутимее, в научно-образовательной среде постсоветского периода были особенно актуальны некоторые темы, связанные с попытками переоценить роль теории и практики в лингвистике и филологии. В контексте этих переоценок в образовании, и особенно при попытках

* В статье приводятся результаты работы по проекту, выполненному при поддержке РГНФ (грант № 12-04-12059в «Информационная исследовательская база современного русского языка по материалам массового ассоциативного эксперимента»).

Шапошникова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН, заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; i.shaposhnickowa@yandex.ru)

его реформирования, стали просматриваться установки на *прикладной подход и снижение теоретической нагрузки*. Эти установки были оправданы возрастающими потребностями общества в специальных знаниях в ряде новых для него сфер деятельности. Однако, к сожалению, в реформаторском дискурсе термин «теория» (часто синонимизируясь с «фундаментальностью») получил слишком широкое толкование, далекое от его научного смысла. Теоретизирование под влиянием радикальных критиков советской системы образования и науки понималось как некий недостаток российского подхода. Однако критики оставляли вне поля зрения тот факт, что любое научное построение теории, будь оно по природе своей дедуктивным или индуктивным, все равно не может обойтись без эмпирической (фактологической) базы, собранной из жизненной практики. Последняя способна разрушить не только любые псевдонаучные, но и устаревшие, ранее считавшиеся научными теоретические построения или, наоборот, породить новые аргументы, объясняющие явления в соответствии с новыми жизненными практиками и свойствами исследуемых объектов. *Теория представляет собой нормальный результат формализации научного знания*, без основательной теоретической базы прикладные вопросы быстро «вянут», так как не могут найти желаемого воплощения в жизни. Поскольку административных решений теоретических вопросов не существует, формализация научного знания не может быть объектом реформирования.

С научной точки зрения представляется более уместным вести речь не об избыточном теоретизировании, а об *адекватности теоретических построений, их достоверности, убедительности и научной состоятельности*.

Примером такого сбалансированного подхода к исследованию и изучению иностранных языков, в котором теоретические построения ученого подкрепляют практику овладения языком, стали труды Вульфа Яковлевича Плоткина (1927–2013). Его работы в области англистики, написанные в 70-е и 80-е гг. прошлого века, дают образец теоретической состоятельности в лучших традициях системологии, системно-структурной, типологической и функциональной лингвистики того времени. Большая часть вопросов, поставленных и решаемых в трудах В. Я. Плоткина на английском материале, носит исторический характер (см., в особенности, [Плоткин, 1976; 1982; 1989; Plotkin 2006; 2008]). Складывается впечатление, что проблемы, которые в них поставлены, подсказаны самой логикой языковых процессов в диахронии. Его работы пронизаны поиском закономерностей на всех уровнях внутри языковой системы, они отмечены внимательным отношением к языковым изменениям, умением увидеть внутренние механизмы их взаимодействий и отметить главное для практики обучения. Выделяя главное, Вульф Яковлевич, прежде всего, ориентировался на строевые процессы, которые способны сформировать доступные для исследовательских процедур и для понимания рядового любознательного читателя доминанты исторического развития языка (этим критериям в особенности отвечает работа [Плоткин, 1999]).

В годы творческой активности ученого советские люди в основной массе своей не имели опыта прямых контактов с иностранцами и тем более с иноязычной культурной средой, между тем английский и другие европейские языки изучались во всех школах и вузах, обучение проводилось преимущественно с опорой на родной (русский) язык. В этих условиях как для преподавателя, так и для студента при изучении теории была особенно важна *систематизация* знаний и фактов. От того насколько качественно и достоверно (применительно к природе объекта) систематизируются и подаются знания, зависело их усвоение и применение в жизни (для советского общества конца прошлого века это было в основном преподавание иностранного языка в СССР и в гораздо меньшей степени переводческая деятельность). Вульф Яковлевич, великолепный лектор с природным даром

системолога, сумел построить теорию языка как увлекательный сюжет с множеством новых интерпретаций и теоретических находок в контексте лингвистических дискуссий и практик прошлого века. Его работы побуждали учеников и коллег задуматься о вопросах, интересовавших многих крупных ученых-филологов СССР. С позиций сегодняшнего дня очевидно, что часть этих вопросов нуждается в дальнейшей теоретической проработке уже в междисциплинарном аспекте, о чем сам Вульф Яковлевич, занимавшийся внутрисистемными процессами, не раз упоминал в научных беседах и публичных лекциях. В дискуссиях того времени была осознана необходимость вывести многие нерешенные или имеющие промежуточное решение проблемы за рамки чистой системы языка самой в себе, для того чтобы их объяснить. Сюда относятся многие фундаментальные аспекты. Что мы сегодня знаем, чтобы ответить на вопросы: как устроен язык, почему он такой, как развивается, почему в нем такие процессы, как он связан с народом и его культурой (с нашим сознанием)? Эти вопросы всегда были предметом рассмотрения у гуманитариев, теперь они волнуют и представителей естественных наук.

Вместе с ростом межкультурных контактов явился и феномен *вариативности* языка как *практическая проблема*. Информационно-технологическая революция прошлого века добавила сюда и проблему описания и оценки состояния языков, оказавшихся в новых условиях функционирования, а также проблемы «виртуальных миров» и «поиска смысла» в огромном постоянно нарастающем массиве порожденных и порождаемых текстов. Ничего подобного в прошлой истории языков и культур не наблюдалось. С распадом СССР сильно изменилась лингвистическая ситуация на постсоветском пространстве, а на его периферии зачастую самым драматичным образом, что требует немедленного реагирования со стороны ответственных социальных групп общества, а значит, требует соответствующих знаний. Очевидно, что современной лингвистической науке, и российской высшей школе в особенности, нужны новые теоретические подходы, которые можно было бы применить к изучению истории разных (не только европейских) языков и культур, что соответствовало бы потребностям нового российского общества, вступившего в более активный контакт с различными народами в сфере своих геополитических интересов. Для оптимизации языковой практики сегодня нужны более точные знания о природе языка и языковых процессов, о языковой способности человека, об активных тенденциях в живых языках и культурах, о взаимодействии языковых, культурных, этнических процессов в жизни современного общества и возможных последствиях этих взаимодействий.

Возвращаясь к проблеме систематизации языковых процессов в историческом аспекте на междисциплинарной основе, необходимо заметить, что такая систематизация невозможна сама для себя, вне того или иного решения упомянутых выше фундаментальных вопросов общей теории языка. С другой стороны, междисциплинарность требует основательных знаний традиционного плана о системе языка хотя бы потому, что в любом междисциплинарном исследовании используется (часто своеобразно) понятийный аппарат, ранее разработанный традиционной лингвистикой.

Дискуссии последних лет убеждают в том, что многие вопросы междисциплинарного характера уже были поставлены наукой прошлого века и просто «перекочевали» (в новом качестве) в век настоящий. Исследователи прошлого века, работы которых активно использовались в вузах того времени (к ним относятся и труды В. Я. Плоткина), на относительно ограниченном эмпирическом материале (по сравнению с технологическими возможностями века двадцать первого) смогли подготовить почву для новых междисциплинарных подходов в лингвистике. Последние, как нам представляется, обладают большей объяснительной силой, а потому могут найти более широкое практическое применение.

В современном многоголосом лингвистическом пространстве зачастую бывает трудно найти однозначное понимание широко используемых терминов, поэтому представляется необходимым пояснить, какой смысл вкладывается в термин «междисциплинарность» в данной статье.

По нашему мнению, *междисциплинарность* в лингвистике подразумевает *привлечение данных (фактов) из других наук* для объяснения явлений, связанных с состоянием лингвистических объектов, она требует особого *ракурса* рассмотрения этих объектов. Таким образом, междисциплинарность возникает при *смежности или общности объектов исследования*. Обращение к разным наукам для анализа и описания сложных объектов может стать абсолютно необходимым в целях получения достоверных знаний. Следовательно, междисциплинарный подход становится осознанным и насущно необходимым для лингвиста, когда другие науки начнут располагать новыми, ранее недоступными данными, способными пролить свет и на природу лингвистических объектов. По нашему мнению, современное состояние научного поиска позволяет ставить новые лингвистические задачи в междисциплинарном ключе. Другой вопрос – есть ли у лингвиста инструментарий для их решения.

С одной стороны, современный лингвист все чаще находит и описывает свой объект в терминах происхождения и развития *вербальной (речевой) способности* у человека, в *тексте (дискурсе)* как семиотическом продукте *речевой (речемыслительной) деятельности* и процессе (форме) выведения вонне смыслов, порожденных сознанием человека. Сохраняется и традиционный для классической лингвистики интерес к *языковой системе* как таковой, её устройству и функционированию, *языковому разнообразию* (в частности, вариативности) и *типологии языковых систем* и подсистем, происхождению и *истории языка*. Такое «расширение» объекта по сравнению с господствовавшими ранее жесткими рамками анализа собственно системы языка порождает *множественность моделей описания* языковых процессов, которыми может оперировать современная теоретическая лингвистика, что затрудняет ориентацию лингвиста-пользователя, организатора учебного процесса.

С другой стороны, как мы уже успели заметить, представители других гуманитарных и негуманитарных наук (нейронауки, физиологии, психологии, биологии, генетики, математики, когнитивистики, истории, археологии) стали проявлять повышенный интерес к лингвистическим объектам. Одним из следствий такого положения дел можно считать необычную постановку некоторых вопросов, связанных с происхождением языка и языковой способности в свете относительно новых данных нелингвистических наук (об этом см.: [Черниговская, 2008]; см. также статьи других авторов в сборнике «Разумное поведение и язык» [2008]). Как уже отмечалось, необходимость междисциплинарного подхода к полноценному рассмотрению всех названных здесь лингвистических объектов была осознана в советской лингвистике ещё до новой информационно-технологической революции. Это проявлялось в дискуссиях о статусе конкретных явлений, подлежащих изучению, об их языковой или неязыковой природе, структуре, функциональной нагрузке по отношению к средовым, иносистемным (надсистемным) факторам и многое другое. О накале дискуссий и глубине теоретической проработки ключевых вопросов междисциплинарного характера можно судить, например, по трудам, посвященным разработке теории речевой деятельности [Леонтьев, 2006]. Продуктивным для российской лингвистики результатом этих дискуссий стало зарождение и (или) развитие новых, междисциплинарных по своей природе, лингвистических отраслей. Сюда можно отнести социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику, позднее когнитивную лингвистику и др.

Некоторые лингвисты находили принципиально понятный для того времени аппарат междисциплинарного описания языковых процессов не только через сис-

темологию или семиотику: приметой времени было и использование различных логических, а также математических (статистических) и просто количественных приемов анализа. Например, в системной типологии Г. П. Мельникова были построены модели формирования разных структурных типов языков, обусловленные внешними условиями, в которых эти языки функционируют [2003]. Примечательно, что изначально ставились задачи объяснить взаимодействие внутренних и внешних детерминант (устойчивых процессов), сформировавшихся под воздействием условий коммуникации (в широком контексте, позволявшем включать в число факторов параметры природной среды обитания и различные особенности языкового коллектива). Были и совершенно нетрадиционные для своего времени труды, в которых усматривались непосредственные, прямые аналогии между языковыми системами (подсистемами и шире – процессами) и, например, генетическими, как в «Лингвистической генетике» М. М. Маковского [1992; 2014], а также непосредственно создаваемыми человеком семиотическими системами иного порядка, такими как музыка, изобразительное искусство, язык математики и некоторые другие системы в книге В. В. Налимова «Вероятностная модель языка» [1974]. Каждое из этих направлений поиска имело свои, во многом недооцененные современниками, достижения, ставшие, впрочем, более очевидными по прошествии времени. Одним из значимых для будущего результатов междисциплинарного поиска на стыке лингвистики и психологии стало привлечение внимания к сложности объекта лингвистических исследований, в частности, необходимости его рассмотрения в более широком контексте *речевой деятельности* [Леонтьев, 2006].

Приметой нового времени является очевидное смещение фокуса исследовательских интересов в нейронауку, генетику, биологию.

Какие именно открытия (направления поиска) последнего времени, связанные с природой лингвистических объектов, могут стать знаковыми для лингвистических теорий и *систематизации языковых процессов в историческом ключе*? Попробуем выделить главное, с нашей точки зрения.

Сквозь различные дискуссии последних десятилетий красной нитью проходит тема *идентичности* в широком смысле слова. Человек заново определяет свою специфику на фоне животного мира, он возвращается к теме своего происхождения и развития, в этой связи и к происхождению языковой способности и языка. Пересматриваются эволюционные теории, разрабатываются генетические и нейролингвистические подходы, которые позволяют обобщить новые фактические данные и дать новые интерпретации ранее отмеченным явлениям или подтвердить полученные иным способом знания. В центре внимания снова оказываются вопросы *филогенеза* и *онтогенеза* речевой способности, роль *генотипа* в её становлении, поиск *нейрофизиологического субстрата* речевых, а также когнитивных и коммуникативных способностей человека, в конечном счете, *субстрата идентичности*.

Проблемными областями в дискуссиях можно считать *соотношение онтогенеза и филогенеза вербальной способности у человека*. Многие исследователи усматривают сходство процессов в филогенезе с теми, которые наблюдаются в онтогенезе, что расширяет возможности поиска в эволюционном аспекте. Эти исследователи опираются на данные физиологии, психологии, биологии, археологии, нейронауки и могут выдвигать смелые гипотезы в эволюционных терминах. Так, например, Т. Н. Ушакова на основе исследования онтогенеза высказывает гипотезу о том, что в процессе эволюции языковой способности вокализации начинались не с целью коммуникации, а с целью самореализации (экспрессии внутреннего состояния вовне), а коммуникация стала результатом эксаптации [2011, с. 461–467]. У ребенка в онтогенезе наблюдаются физиологические изменения, которые подтверждают выводы других ученых об эволюции речевого аппарата

при переходе от языков-предков к современным языкам, а также соотносимы с тем, что мы знаем о физиологии вокализаций обезьян в сопоставлении с адаптацией речевого аппарата человека в онтогенезе. Т. Н. Ушакова вычлняет «два кардинальных момента, определяющих последующее развитие речи младенца ещё на этапе до появления первых артикулированных слов. Это развитие ментальной (репрезентативной) сферы и экспрессивной вокальной функции ребенка. Важным, хотя и дополнительным обстоятельством, является функционирование его вокального тракта. Известно, что в производящем звуки механизме на протяжении нескольких месяцев после рождения ребенка происходят большие изменения: постепенное опускание гортани вниз, подъем неба, нарастание подвижности языка. Только после этих изменений вокальный тракт младенца оказывается готовым для производства артикулированных звуков. Высшие обезьяны в наше время не имеют необходимой степени развития производящего звуки механизма, поэтому они в принципе не способны к устной речи» [2011, с. 464]. Набор вокализаций младенца на доречевом этапе характеризуется нелокализованностью и «совершенно иррелевантен звуковому составу какого-либо определенного языка», т. е. он некоррелирован с системой какого-либо языка [Леонтьев, 2006, с. 85]. Дальнейшее психофизиологическое развитие ребенка в онтогенезе сопровождается постепенным установлением корреляций с системой родного языка.

Мы не знаем, что было между до-человеческими вокализациями и человеческой речью, отмечает Б. Бичакджан [2008]. Далее со ссылкой на реконструкции Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1984] он утверждает, что исторические данные, тем не менее, недвусмысленны. Они показывают, что артикуляции постоянно движутся эволюционно от гортани и прилегающих частей речевого тракта к центральным и передним частям ротовой полости. Ср. с данными онтогенеза, приведенными в предыдущем абзаце. «Это развитие особенно хорошо видно в индоевропейских языках, чья праязыковая система изобиловала глоттализованными и придыхательными согласными, а также плохо определенными, но почти повсеместно встречающимися ларингалами. Все они по большей части исчезли» [Бичакджан, 2008, с. 81]. Для современных индоевропейских языков характерны простые смычные и фрикативные звуки, которые, по мнению ученого, более функциональны и связаны с более простыми нервно-мышечными программами, а потому предоставляют важные адаптивные преимущества, одерживая победу над гораздо более затратными и менее удобными предшественниками [Там же, с. 82]. Психолингвистические работы позволяют утверждать, что полноценная грамматика и соответствующее членение речевого потока в онтогенезе могут возникнуть только на основе обретения определенного лексического запаса, что сопряжено с когнитивным развитием ребенка [Леонтьев, 2006]. Эти выводы подкрепляются новыми исследованиями эволюции речевой способности в филогенезе.

При поиске ответа на вопрос о возникновении языковой способности в филогенезе предлагаются два различных решения вопроса: через генетическую мутацию и эволюционно. Оживление этих дискуссий в настоящее время провоцирует рост интереса к прямым аналогиям, описанию психолингвистических и культурных процессов в терминах генетических теорий. Некоторые авторы, принимающие участие в этих дискуссиях, находят удобным использовать применительно к языковой способности терминологию: FLB – faculty of language in a broad sense; FLN – faculty of language in the narrow sense; языковая способность в широком и узком смыслах соответственно [Fitch et al., 2005; Fitch, 2011]. Такое удвоение терминов понадобилось авторам для проведения грани между вокализациями (языком) животных и языком человека. При этом языковая способность в узком смысле (присущая человеку) сводится к рекурсивным правилам, таким образом

на первый план выводятся синтаксические процессы и их предполагаемая генетическая обусловленность. При всей спорности такого подхода и неприятии его многими учеными¹, представителями разных научных направлений, высказанные авторами идеи привели к активизации научных дискуссий и уже этим самым оказались плодотворными, как, впрочем, и более ранние теоретические построения Н. Хомского в прошлом веке. Сторонники генетических мутаций не рассматривают эволюционные процессы вне генетических изменений, поэтому экстраполяция эволюционных теорий на культуру и язык у таких исследователей не учитывается в качестве научно оправданной аналогии [Fitch, 2007]. Некоторые исследователи, напротив, не ограничиваются рассмотрением становления вербальной способности человека, а распространяют эволюционные теории на саму языковую систему, поэтому для них «в языках происходит постоянное и в нормальном случае необратимое движение к таким чертам, которые дают чем дальше, тем все больше преимуществ... Языки не являются ничем не обусловленными вариантами некой универсальной устойчивой грамматики, которую генетическая мутация привнесла в наши хромосомы. Языки – это наборы эволюционирующих черт» [Бичакджан, 2008, с. 85].

Многообещающими по своей новизне были открытия нескольких ответственных за специфически человеческие свойства генов, в особенности так называемого «гена речи» (FOX P2). Изучение мутаций FOX P2 и их последствий у некоторых животных, которые, подобно человеку, могут научиться сложным вокализациям (языку) через имитации, выявило влияние этого гена на нарушения речи и развитие языка, двигательные и другие функции (подробнее об этом см., например: [Fisher, Scharff, 2009]). Работы, которые были проведены после открытия FOX P2, ставят под сомнение гипотезу о единичной генетической мутации в качестве непосредственной причины возникновения речевой способности (в понимании сторонников генеративной грамматики) у человека, скорее подтверждая теории о сложности функциональных систем, обеспечивающих речь, и об их эволюционном развитии.

Новые данные о переработке информации у высших животных и об эволюции когнитивных способностей и сложного поведения, связаны, по мнению Т. В. Черниговской, с открытием М. Арбибом и Г. Ризолатти «зеркальных систем мозга» [Черниговская, 2008, с. 401]. Это открытие стало одной из широко обсуждаемых междисциплинарных тем в англоязычных научных журналах. Т. В. Черниговская отмечает, что зеркальные системы представляют собой такие нейронные системы, которые «осуществляют синтез информации, отображающей не только внешние стимулы, вызванные действиями других существ, но и собственные реакции и действия, обеспечивают связь между подсистемами мозга, ответственными за перцепцию, память, мотивацию и моторику, картируют субъектно-объектные отношения и формируют механизмы самоидентификации» [Там же, с. 401–402]. Гипотеза, связанная с активностью зеркальных нейронов, «имеет первостепенное значение как для объяснения организации языковых функций, в частности для лингвистической дифференциации субъекта и объекта, так и для научения вообще, так как позволяет связать в оперативной памяти *агенса* (деятель), *пациенса* (объект действия) и *инструмента* (способ или орудие)» [Там же, с. 402]. Вероятно, здесь следует поискать новые фактические данные от лингвистических наук, которые будут полезны для развития диахронической типологии языков и языковых процессов.

К сожалению, насколько нам известно, российские лингвисты ещё не сделали эти темы предметом своих дискуссий. Между тем открытие «зеркальных нейро-

¹ Критический разбор представлен в: [Pinker, Jackendoff, 2005; Пинкер, Джакендофф, 2008].

нов» может дать новый толчок не только развитию типологии, но и экспериментальной социолингвистики, (нейро)психолингвистики и других дисциплин. Оно уже позволило зарубежным ученым строить гипотезы относительно нейрофункционального субстрата социальной когниции человека, т. е. способности осмыслять и использовать опыт социальной коммуникации. Высказываются и подкрепляются экспериментальными данными положения об адаптации нейронных механизмов (в том числе и «зеркальных систем»), предназначенных изначально для сенсорно-моторных функций, к созданию нейрофункциональной «архитектуры» мыслительных и языковых процессов при сохранении за этими нейронными механизмами их прежних функций [Gallese, 2008]. При этом подчеркивается, что значение и смысл действий человека формируются в его включенности в бытие, в процессе его личного опыта взаимодействия с окружающей средой. Эти открытия, как нам представляется, дают дополнительное (нейрофункциональное) подкрепление высказанным ранее в рамках московской психолингвистической школы идеям, легшим в основу системы лингвистических знаний о речевой деятельности, о структуре сознания и его функционировании в процессе овладения родным и иностранными языками. Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения, что не входит в задачу данной статьи.

Работы первооткрывателей зеркальных нейронов в области нейролингвистики, как нам думается, вносят существенные коррективы в описанные выше дискуссии. При последовательном применении уже имеющихся знаний в этой области можно строить очень обнадеживающие гипотезы о локализации генетически обусловленных процессов в определенных фазах эволюционного развития человека как вида и в определенных временных рамках, связанных со становлением речевой способности. М. А. Арбиб различает понятия *язык*, *праязык* и *предрасположенность мозга к языку* (*language readiness*), обосновывая свою гипотезу о том, что у первого *Homo sapiens* был праязык и предрасположенный к языку мозг, но не было языка в современном его понимании. Праязык такого человека состоял преимущественно из нерасчлененных высказываний (вокализаций), представляющих типичные ситуации, не структурированные через сегментацию (членение) на семантически самостоятельные единицы (слова). Только праязык коэволюционировал вместе с мозгом, дальнейшее развитие языка до его современного сложного состояния (и соответственно расчлененности речевого потока, синтаксиса с многоуровневой семантической структурой) есть результат культурно-исторического, не генетического процесса, а рекурсия в языке вторична по отношению к рекурсивной природе действия и восприятия, которая наблюдается и у обезьян [Arbib, 2005]. В более поздней работе, которая была посвящена уточнению теоретических аспектов моторной (двигательной) теории (*the motor theory*) восприятия речи, выполненной на материале образцов английской речи с иностранным акцентом (что аналогично ситуации с наличием дополнительных помех для восприятия), развивается тезис об эволюции зеркальных систем у предка человека при отделении от общей с человекообразными обезьянами ветви [Moulin-Frier, Arbib, 2013]. Зеркальные системы эволюционировали как часть больших по своим возможностям систем (*larger, more competent systems*). В частности, авторы говорят о расширенной системе обеспечения простой имитации (*enlarged system to support simple imitation*) (основанной на экстенсивном наблюдении и повторении новых для себя действий), эта система частично уходит корнями к общему предку человека и человекообразных обезьян, и о системе, которая представляет способность к комплексной (сложной) имитации (*complex imitation*). Последняя характеризует человеческую ветвь эволюции и соответствует способности не только просто наблюдать новое, но и усматривать (в первом приближении) цели действий, связывать действия с целями, которые они достигают [Ibid.]. Иначе говоря, это иной уровень распознавания, который соотносится со сложно-

составной целенаправленной физической деятельностью, с нейронными системами этого типа связана дальнейшая эволюция коммуникативной и речевой деятельности. От структурирования сложных действий возможен переход к речевым высказываниям (от слов к конструкциям и от звуков к словам) [Ibid.]. Ср. с данными об онтогенезе у А. А. Леонтьева [2006, с. 83–163].

Продолжение следует

Список литературы

- Бичакджан Б.* Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка / Пер. с англ. С. А. Бурлак // / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. С. 59–88.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ протоязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1, 2.
- Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006.
- Маковский М. М.* Лингвистическая генетика. М.: Наука, 1992.
- Маковский М. М.* Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слов в индоевропейских языках. М.: Изд-во ЛКИ, 2014.
- Мельников Г. П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / Под ред. Л. Г. Зубковой. М.: Наука, 2003.
- Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1974.
- Плоткин В. Я.* Очерк диахронической фонологии английского языка. М.: Высш. шк., 1976.
- Плоткин В. Я.* Эволюция фонологических систем. На материале германских языков. М., 1982.
- Плоткин В. Я.* Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989.
- Плоткин В. Я.* Как устроен английский язык. Новосибирск, 1999.
- Пинкер С., Джакендофф Р.* (пер.). Компоненты языка: что специфично для языка что специфично для человека? / Пер. с англ. С. А. Бурлак // Разумное поведение и язык. Разумное поведение и язык / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. С. 261–292.
- Разумное поведение и язык / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. 416 с.
- Ушакова Т. Н.* Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Черниговская Т. В.* Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) // Разумное поведение и язык. / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1: Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. С. 395–412.
- Arbib M. A.* From Monkey-like Action Recognition to Human Language: An Evolutionary Framework for Neurolinguistics // Behavioral and Brain Sciences. 2005. No. 28. P. 105–168.
- Fisher S. E., Scharff C.* FOX P2 as a molecular window into speech and language [Review article] // Trends in Genetics. 2009. No. 25. P. 166–177.
- Fitch W. T.* Linguistics: an invisible hand // Nature. 2007. No. 449. P. 665–667.

Fitch W. T. Unity and diversity in human language // Philosophical transactions of the Royal Society. Biological Sciences. 2011. No. 366. P. 376–388.

Fitch W. T., Hauser Marc D., Chomsky N. The evolution of the language faculty: clarifications and implications // Cognition. 2005. Vol. 97 (2). P. 179–210.

Gallese V. Mirror neurons and the social nature of language: The neural exploitation hypothesis // Social Neuroscience. 2008. Vol. 3. Iss. 3–4. P. 317–333.

Moulin-Frier Cl., Arbib M. A. Recognizing Speech in a Novel Accent: The Motor Theory of Speech Perception Reframed // Biological Cybernetics. 2013. Vol. 107. Iss. 4. P. 421–447.

Pinker S., Jackendoff R. The Faculty of Language: what's special about it? // Cognition. 2005. Vol. 95. P. 201–236.

Plotkin V. Ya. The Language System of English. Boca Raton, Florida, USA: Brown Walker Press, 2006.

Plotkin V. Ya. The Evolution of Germanic Phonological Systems: Proto-Germanic, Gothic, West Germanic, and Scandinavian. Lewiston: Edwin Mellen, 2008.

I. V. Shaposhnikova

History of Language as an Interdisciplinary Science (General Theoretical Problematic Areas in the Interpretation of Historical Changes)

The author treats interdisciplinary approaches as potential bases for modern historical linguistic theories and their practical outputs (application). Several recent discoveries in non-linguistic fields, which have become especially significant for linguistics and its sister-sciences, are discussed in the article. New theoretical research and linguo-didactic problematic areas are recognized in the interdisciplinary aspects under discussion.

Keywords: interdisciplinary approaches in linguistics, their theoretical value and practical outputs, new interdisciplinary theoretical and linguo-didactic problematic areas, ethno-cultural (social) identity.